

ЭВФЕМИЗМ, УНИВЕРСИТЕТ И НЕПОВИНОВЕНИЕ¹

Александр Гарсия Дюттман²

Эвфемизм является лингвистическим условием современного общества и распространяется как через университет, так и через любые другие институты. Но чем именно является эвфемизм? Французский лингвист Эмиль Бенвенист, обращая внимание на различные значения греческого слова, от которого происходит «эвфемизм», и принимая во внимание тот факт, что они противоречат друг другу и приводят к возникновению сочетания «эвфемизм эвфемизма», утверждает, что если учесть отличие языка от речи, выясняется, что «собственно значение» слова является «несомненно положительным»:

«Поскольку эта очевидная истина не принималась во внимание, что *euphetein* означает всегда и только одно “произносить слова, сулящие доброе предзнаменование”»³.

Эвфемизм, поясняет Бенвенист, может использоваться для защиты от риска или опасности, угрозы фатального нарушения, когда даже «бесполезные слова» могут оказаться ненадёжными и привести к катастрофе. В этом смысле эвфемизмы обозначают скорее активное, а не пассивное использование языка. Тем не менее Бенвенист также настаивает на необходимости установления точных условий использования эвфемизмов в речи. «Сама ситуация» определяет функции и функционирование эвфемизма. То, что Бенвенист называет «семантическим отклонением», отклонением, вызванным «игрой различных словоупотреблений», может стереть следы эвфемизма, превратить активное использование языка в пассивное. Таким образом, лингвист показывает, что *tuer*, наиболее распространённое слово во французском языке для обозначения «свершения убийства», «употребляется в

¹ Этот текст опубликован в *Radical Philosophy*, № 169 (Sept/Oct 2011). Полная версия публикуется впервые.

² Александр Гарсия Дюттман (Düttmann) – профессор философии и визуальной культуры в Голдсмитс-колледже, Университет Лондона (г. Лондон, Великобритания). Автор таких книг, как *The Gift of Language (Язык как дар)*, *The Memory of Thought: An Essay on Heidegger and Adorno (Память мысли: эссе о Хайдеггере и Адорно)*, *At Odds with AIDS (Не в ладах со СПИД)*, *Between Cultures: Tensions in the Struggle for Recognition (Между культурами: напряжение в борьбе за признание)*, *Derrida und ich: Das Problem der Dekonstruktion (Деррида и я: проблема деконструкции)*.

³ Бенвенист Э. *Общая лингвистика*. М: Прогресс, 1974. С. 371.

качестве эвфемизма»⁴. В английском языке слово «убийство», в том значении, в котором оно фигурирует в заголовке замечательной книги Мэри Эванс *Убийство мышления*, посвящённой «смерти университетов», замене «аргументации» укреплением «“правильного” процесса», установлением правил игры и вербовке «ориентированных на сотрудничество игроков, идущих на компромиссы»⁵, следует понимать не как эвфемизм или тем более как метафору, а вполне буквально. Из ремарок Бенвениста можно было бы заключить, что именно потому, что нельзя понять, что такое эвфемизм, не перемещаясь между языком и речью, структурой и фактическим высказыванием или между «собственно значением» и значением, которое зависит от конкретных обстоятельств лингвистического словоупотребления, эвфемизмы остаются неоднозначным явлением, которое колеблется между активным и пассивным, между памятью и забвением, как если бы эвфемизм сам нуждался в эвфемизме, «эвфемизме эвфемизма».

Итак, если эвфемизм действительно является лингвистическим состоянием современного общества, это означает, что те, кто живут в этом состоянии, знают о реальности и не оказывают ей сопротивления; обман и вера некой магической силой соединяются в эвфемистической речи, и способность обмануть самого себя и других превращается в самообман как судьбу. Когда эвфемисты говорят, пишут и думают, они делают активный вклад в подавление собственного осознания, а потому осознают и то, что именно они стремятся отвадить, и само подавляющее колдовство. Они производят неоднозначность, в которую сами себя и помещают. Например, администрация колледжа, выживание которого оказывается, по всеобщему признанию, под особой угрозой неотвратимой приватизации гуманитарных наук, искусств и социальных наук в Соединённом Королевстве, сформировала группу, на которую была возложена задача обдумывания будущего колледжа; однако окончательный демонтаж университета, который и заключается в этой приватизации, не мешает обеспокоенным учёным и администраторам назвать свою группу «Голубое небо». Для британского профессора преподавание и научная деятельность не имеют решающего значения для получения зарплаты высшей категории; что в конечном итоге имеет значение, так это опыт работы администратором, получение грантов и участие в комиссиях, которые у администраторов пользуются большим уважением. Что в конечном итоге имеет значение, так это то, следовал ли учёный правилам игры, научился ли он налаживать институциональные отношения и стал ли он институционализированным политиком или нет. Профессоры, которые получают самую высокую зарплату, являются идеальными учёными; таким образом, будучи администраторами интеллектуальных способностей, все они являются частью своего рода общенациональной корпорации. В *Философии права* Гегеля корпорация

⁴ Бенвенист, указ. соч., с. 375.

⁵ Evans M. *Killing Thinking*. London and New York: Continuum, 2004. P. 62.

представляет Государство, поскольку индивид имеет лишь ограниченный доступ ко «всеобщим делам» современного Государства.⁶ Она позволяет осуществлять переход от гражданского общества к государству. Тем не менее Государство должно также контролировать корпорацию, чтобы она не опустилась до «несчастной системы гильдии». Когда университет управляется администрацией, а принцип эффективности и подотчётности превращается в царствующего над ним суверена, университет становится ещё одной точкой доступа для государственного бизнеса, точкой, которая, однако, больше не нуждается в контроле. Если раньше финансовая идентификация идеального учёного с администратором уже ясно свидетельствовала о получении администрацией контроля над университетом, то приватизация гуманитарных наук, искусств и социальных наук является последним шагом на пути к кризису всех кризисов, к беспрепятственному господству администрации, к неизбежному союзу «бюрократической повестки дня»⁷ с научными ценностями, обусловленными рынком и коммерцией. Поскольку такое доминирование приводит к отмене университета, к подмене университета принципами эффективности и подотчётности, администрации для оправдания своего доминирующего существования необходима эвфемистическая речь: например, администрация говорит о профессорах, тогда как она должна называть их администраторами, лоббистами или политиками; ей необходимо продолжать использовать слово «университет», которое она лишает какого-либо значения, продавая его тому, кто готов платить самую высокую цену. Отсюда и неоднозначность.

В середине 1950-х Адорно отметил, что идеология прошла через важные преобразования:

«Ничего не осталось от идеологии, кроме того, что она подтверждает то, что уже существует, кроме различных моделей поведения, которые подчиняются всепобеждающей силе существующих условий»⁸.

Таким образом, постольку, поскольку признание обуславливает активное поведение, не просто принятие, но и созидание, и так как идеология перестала просто маскировать и преобразовывать преобладающие формы социального доминирования, в наше время именно изобретение эвфемистической речи, которое заключается в принятии этих форм, достигает эффекта идеологии. Использование эвфемизма всегда сигнализирует о сопротивлении, которое является результатом исходного одобрения. Всякое одобрение, в конечном счёте, является потенциально сопротивлением, по крайней мере в той степени, в которой в нём есть элемент активности, или в той степени, в которой чистая пассивность никогда не может что-либо принять. Эвфемизм, в свою очередь, эксплуатирует

⁶ Гегель Г.В.Ф. *Философия права*. М.: Мысль, 1990. С. 277.

⁷ Evans, op. cit., p. 42.

⁸ Adorno T.W. Beitrag zur Ideologienlehre // Adorno T.W. *Gesammelte Schriften*. Vol. 8. Suhrkamp: Frankfurt am Main, 1972. S. 477.

ресурсы признания в сфере языка. Требования признания иногда прямолинейны. Например, в настоящее время научные исследования измеряются также с точки зрения их «влияния» (*impact*) за пределами университета. Не так давно в одном из британских университетов декан по исследовательской деятельности разослал сообщение о том, что, хотя коллегам это может и не понравиться, категория «влияния» остаётся, так что будет лучше, если они примут её как данность. Во многих случаях «влияние» академических исследований, оригинальной идеи, разработанной кем-то преподающим в университете, наиболее трудно определить; по определению, в идее, которая сопротивляется легко признаваемому, измеряемому «влиянию», всегда есть излишек. Иногда идеи, которые имеют такое немедленное «воздействие», исчезают, не оставляя значительного следа. Точно так же, как образованию и культуре не знакомы «правильные обыденные практики»⁹, как пишет Адорно в эссе об отношениях между преподавателями и студентами, как и «лучшее образование – это такое образование, которое не имеет целей и задач»¹⁰, как пишет Мэри Эванс, подобно тому как забытый Богом студент, который постоянно ищет правила, нормы или руководящие принципы, особенно когда дело доходит до оценивания и оценок, уже перестаёт быть студентом, как снова утверждает в своём эссе Адорно, «влияние» идеи должно оставаться непредсказуемым, если идея является таковой. Таким образом, «влияние» как категория исследований влечёт за собой упрощение, генерирует упрощённые идеи и работает как эвфемизм. Оно стимулирует «доверие к специалисту, основанное на фактах», и то, что Адорно определял как приложение такого «научного духа», а именно «веру в помпезные выражения и магические завороты фраз»¹¹. В Голдсмитском колледже прогресс так называемого студента-исследователя, аспиранта, также определяется тем, выносил он результаты своих исследований на суд аудитории «неспециалистов» или нет. Анна Гилас завершает статью, опубликованную в *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, следующим предложением:

«Будущее гуманитарных наук в Англии, как представляется, не в выдающихся научных исследованиях, а в убедительном общении с прессой и в активной коммуникации в *Твиттере*»¹².

Если эвфемизм можно понимать как эксплуатацию ресурсов принятия в области языка, если тот, кто пользуется эвфемистической речью, даёт понять всем другим, что он – игрок, должно быть понятно, почему эвфемизму нет места в университете. Использование эвфемистической речи – это способ говорить о чём-

⁹ Adorno T.W. *Philosophie und Lehrer* // Adorno T.W. *Eingriffe, Gesammelte Schriften*. Vol. 10.2. Suhrkamp: Frankfurt am Main, 1977. S. 485.

¹⁰ Evans, op. cit., p. 124.

¹¹ Adorno, *Philosophie und Lehrer*, op. cit., S. 483.

¹² Gielas A. *Philosophie, die dem Tourismus nicht nützt, ist entbehrlich* // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 18 May 2011. S. 5.

либо с намерением не говорить об этом. Сегодня это даже способ не говорить о чём-либо с намерением сказать об этом, как если бы эвфемизмы использовались против них самих же, шелуха шелухи. Однако университет, как отмечает Жак Деррида в своей лекции об идее «безусловного университета», это место, где преподавание и исследовательская деятельность должны быть обусловлены «фундаментальным правом говорить всё»¹³, и говорить публично, хотя бы в форме художественной литературы или в качестве экспериментального знания. Это право является следствием парадоксального состояния, при котором ограничительная фикция эвфемизма подчиняет преподавание и исследовательскую деятельность власти, а значит, и исключению и разрушает саму идею университета. Его имя замещается манипуляцией и доминированием. Операция, выполняемая эвфемистической речью, разрывает связь между словом и идеей; в результате она превращает слова в эвфемизмы не только посредством замены определённого содержания другим содержанием, но посредством самой подстановки, формальной процедуры, как будто язык и речь, или структура и фактическое высказывание, неразрывно взаимосвязаны. Как только университет начинает руководствоваться эвфемистической речью, как только слово «университет» отделяется от его идеи – это уже эвфемизм, независимо от того, как он используется в конкретных научных, политических или социальных контекстах. Семь лет назад Мэри Эванс отметила, что «в современной Британии слово “университет” является расплывчатым и ненадёжным термином»¹⁴.

Почему условие университета является парадоксальным условием? Разве, далее, это условие не угрожает университету тем, что он или его дискурс погрузятся в эвфемистическую речь? Разве это условие не угрожает утверждением власти в самом сердце университета? Конечно, недостаточно просто указать на то, что университет должен быть безусловным, чтобы доказать парадоксальность его условия, по крайней мере не в той степени, в которой условие безусловности указывает на невозможность отделения условия от обусловленности, формы от содержания: в безусловном университете не может быть эвфемизмов, потому что идея не отделена пропастью от реальности. Тем не менее, поскольку университет является институтом, тем институтом, который находится в более широком социальном и политическом контексте, и поскольку у него есть своя история, сила его независимости также является бессилием его зависимости, и идея и реальность, условие и обусловленность просто не совпадают, так что условие действительно оказывается парадоксальным. Если университет или его дискурс могут в принципе стать жертвами эвфемистической речи, то основанием для этого будет именно вышеозначенный парадокс, в том смысле, что условия университета отличаются и не отличаются от его безусловности. Данную мысль можно выразить и по-другому,

¹³ Derrida J. *L'université sans condition*. Paris: Galilée, 2001. P. 16.

¹⁴ Evans, op. cit., p. 105.

подчеркнув тот факт, что безусловность не может быть внешним атрибутом университета, некоего целого, которое затем станет не чем иным, как агломерацией его частей – предметов, которые преподают в университете, знаний, произведённых, накопленных, заархивированных на его факультетах и в его библиотеках. В этом случае, в случае тотальности, достигнутой только внешне, условие и безусловность никогда в действительности не будут едины. Таким образом, если, для того чтобы университет был целостным, безусловность должна быть его неотъемлемой характеристикой, тогда её критерий следует искать прежде всего в том, что делает целое целым, а именно в её свойствах инклюзивности: университет как место, где «можно говорить всё», поэтому университет – как место открытого и открытости, как место, которое остаётся «гетерогенным по отношению к принципу власти»¹⁵. И тем не менее, если бы не было «фундаментального права говорить всё», не был бы университет целостной системой радикальной открытости; если бы всё уже было сказано – обучение в университете состояло бы исключительно из повторений, пересказов, напоминаний и припоминаний приобретённых знаний. В целом, университет должен быть местом события, «достойного его имени»¹⁶, как отмечает Деррида, местом того, что сопротивляется эвфемизму, потому что в противном случае он обратился бы против самого себя; ему пришлось бы заявить, что не осталось ничего неизвестного, того, что всё ещё могло бы быть исследовано; он отделил бы преподавание от научных исследований, превратившись в излишество или уступив своему собственному овеществлению. Университет – это место, и, может быть, единственное в своём роде, парадокса целого и его безусловности. Таким образом, это – критерий или признак самой безусловности, «фундаментального права говорить всё», того факта, что «говорение всего» должно быть «фундаментальным правом» и не может быть простым фактом, который вскрывает разрыв между условием университета и его безусловностью и таким образом позволяет эвфемистической речи и принципу власти завладеть университетом. Когда существует вероятность того, что это произойдёт, тогда возникает вопрос: «Чей университет?» Тот факт, что Деррида не определяет место безусловного университета, университета «без условий», внутри университета, в пределах «того, что сегодня называют университетом»¹⁷, свидетельствует об актуальности этого вопроса или о призраке власти и эвфемизма, преследующего университет изнутри.

Однако ещё одним способом выражения этой же мысли является различие между, с одной стороны, открытостью, обусловленной тем типом «нейтрального теоретизма»¹⁸, от которого Деррида не желает откататься, и, с другой стороны, открытостью,

¹⁵ Derrida, *op. cit.*, p. 18.

¹⁶ *Ibid.*, p. 74.

¹⁷ *Ibid.*, p. 78.

¹⁸ *Ibid.*, p. 42.

которая отказывается соглашаться с нейтральностью теории и с самой теорией, подвергая её «критической и более чем критической безусловности»¹⁹. Тогда как верно то, что «шанс» такой «критической и более чем критической безусловности» может быть в «нейтральном теоретизме», так же верно и то, что его проявления остаются вызовом теории и не могут быть легко, без изменений, адаптированы посредством её нейтральности. «Нейтральный теоретизм» находится скорее на стороне условий и обусловленного, чем на стороне «критической и более чем критической безусловности». Почему же Деррида так крепко за него держится? Возможно, по двум причинам. Деррида крепко держится за «нейтральную теоретичность» потому, что только «нейтральность» теории может иметь функцию катализатора, которая необходима «критической и более чем критической безусловности» для предотвращения её окостенения; никакой не-нейтральный дискурс или не-нейтральная практика не могли бы вызвать эффект катализа, не стабилизировав «критический и более чем критической» вклад безусловности. Но Деррида крепко держится за «нейтральную теоретичность» ещё и потому, что «теория» сигнализирует об определённой институциональной ситуации, которая необходима «безусловности», ситуации университета, помещённой в более широкий контекст; «безусловность» не может быть безусловной, не будучи «критической», не относясь критически к теории и её нейтральности. Таким образом, «фундаментальное право говорить всё» нельзя неверно истолковывать как «фундаментальное право говорить что угодно». Скорее, всё, что говорится в университете, должно пройти проверку как нейтральностью теории, так и безусловностью, которая по своей природе является «критической и более чем критической», и пройти проверку именно в борьбе между ними, в борьбе, которая определяет безусловность и бросает ей вызов, в то время как университет подвергается опасности эвфемистической речи, шарлатанству и узурпации власти. В этой ситуации оказывается, что, по сути, безусловный университет является университетом, открытым риску, риску разрушения, в то время как университет, в котором доминируют власть, шарлатанство и эвфемистическая речь, является университетом, который перестал ставить себя под удар или же стремится свести к минимуму возможность удара.

Если идея обнажает вещь как таковую, если идея университета – это обнажение университета как такового, т. е. как целого, и если целое университета базируется на парадоксе речи, разделённой между говорением всего и сейчас и «правом» говорить всё, то идея университета – это не просто одна идея из множества других, но в каком-то смысле – идея всех идей или идея как таковая; тогда жизнь университета, реальность его идеи – это идея и парадокс целого. Поскольку, повторим, целое должно открываться, подставляя себя под удар, для того чтобы быть целым. С этой

¹⁹ Derrida, *op. cit.*, p. 43.

точки зрения не удивительно, что в конце своей лекции Деррида обращает внимание на проблему «как» (*as*).²⁰ Каким образом, в соответствии с этой идеей, можно обнажить целое университета «как таковую», если само целое должно быть открыто, если говорение всего, и говорение на публике, как уточняет Деррида с кантианской окраской, расщепляется на виртуальность и актуальность?

Интересно, что в своей лекции Деррида упоминает эвфемизм. Он делает это, когда задаёт себе вопрос: до какой степени должна поддерживаться, «то есть прямо или косвенно контролироваться ... в связи с коммерческими и промышленными интересами», «организация научных исследований и обучения»; после того как он называет эти формы непосредственного или опосредованного контроля, он добавляет: «скажем, используя эвфемизм “спонсироваться”»²¹. Когда далее Деррида осуждает рост числа «мало оплачиваемых и маргинализированных» сотрудников университетов, работающих неполный рабочий день, он напоминает слушателю о том, что такой рост, как правило, оправдывают «во имя так называемой гибкости и конкурентоспособности»²², таким образом ещё раз обнаруживая эвфемистическое использование языка в университете. С точки зрения последовательности Деррида упоминает эвфемизм незадолго до того, как он отсылает к «принципу гражданского неповиновения»²³, который он связывает с деконструкцией в гуманитарных науках. Как известно, *Гражданское неповиновение*²⁴ – это, по-видимому, не очень удачное название, которое было выбрано для переиздания эссе Генри Торо, первоначально имевшего название *Сопrotивление гражданским властям*, после его смерти. Хотя Торо желает говорить «конкретно и как гражданин»²⁵, отказавшись представить себя как одного из «те[x], кто отрицает всякое правительство»²⁶, верно также и то, что сопротивление, за которое он выступает, – это не сопротивление гражданина государству, а сопротивление индивида, гражданство которого находится под угрозой, индивида, который отказывается от подданства государству, который «чуждается его и держится в стороне»²⁷. Вот почему Стэнли Кавелл описывает такое сопротивление как «силу требовать изменения мира в целом»²⁸, описание,

²⁰ Derrida, op. cit., p. 74.

²¹ Ibid., p. 19.

²² Ibid., p. 58.

²³ Ibid., p. 21.

²⁴ См.: Торо Г. *О гражданском неповиновении* / Перев. с англ. О.В. Альбедия. СПб.: Алетейя, 1996. Все цитаты в данном переводе взяты из перевода работы Торо, опубликованного на сайте <http://libertynews.ru/node/546>, поскольку они более точно передают оригинальный текст. – *Прим. перев.*

²⁵ Торо, указ. соч.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Cavell S. *This New Yet Unapproachable America*. Albuquerque: Living Batch Press, 1989. P. 115.

которое резонирует с его кратким резюме одного из смыслов «Уолдена»²⁹:

«И нация должна также вымереть до основания, если она хочет продолжать одобрять и пестовать себя»³⁰.

Когда речь заходит об университете, это также вопрос целого и его сопротивления овеществлению. Однако общее в эссе Торо и лекции Деррида заключается не столько в утверждении «регистра прочности» и постоянства, как это происходит в ситуации «публичного кризиса», когда большинство установило «форму тирании»; оно заключается не столько в утверждении «власти пассивности», которую подчёркивает Кавелл в связи с «гражданским неповиновением»; скорее, то общее, что у них есть, – это призыв к безотлагательности. Таким образом, подняв вопрос о возможности безусловного университета, об осмысленности и актикульрованности такого концепта, Деррида заканчивает свою лекцию апострофом. Он просит аудиторию не спешить с ответом на его вопрос, а затем говорит: «Но торопитесь, поскольку вы не знаете, сколько вам отведено». Или, может быть, в более буквальном переводе: «что вас ждёт»³¹. Безотлагательность призыва исходит из непредсказуемости и непрогнозируемости, радикальной неэффективности разрушительного события, которому безусловный университет открывает себя для удара, события, от которого зависит весь университет, поскольку оно делает его цельным, события идеи или мысли, практики или научных исследований, которые являются поистине новаторскими. Тем не менее безотлагательность призыва также является следствием риска того, что университет будет полностью пронизан эвфемистической речью после того, как он сдастся условиям, навязанным принципом эффективности и подотчётности. Не был ли этот призыв услышан, по-прежнему ли его игнорируют теперь, когда учёные знают больше о том, что их ждёт? «Профессорский состав очень тих, по существу он не существует как коллективный голос»³², – говорится в статье о «кризисе в системе высшего образования», в которой речь идёт о текущей ситуации в Соединённых Штатах Америки и которая была опубликована в *The Nation* 4 мая 2011 года. Является ли отсутствие солидарности симптомом того, что учёные механически служат администрации, вместо того чтобы свободно пользоваться правом на критику?

²⁹ Речь идёт о книге американского поэта и мыслителя Генри Дэвида Торо *Уолден, или Жизнь в лесу (Walden, or, Life in the Woods, 1854)*. Основной этический посыл этой книги – отказ от материальных благ, уединение, самодостаточность, созерцательность и близость к природе. – *Прим. перев.*

³⁰ Cavell S. *The Senses of Walden: An Expanded Edition*. Chicago: Chicago University Press, 1992, P. 116.

³¹ Derrida, op. cit., p. 79.

³² Deresiewicz W. *Faulty Towers: The Crisis in Higher Education // The Nation*. 2011. 4 May.

Медитацию о «гражданском неповиновении» Г. Торо начинает с утверждения, что лучшее правительство – это то, «которое правит как можно меньше». Здесь аналогия позволит современному учёному заявить о своей убеждённости в том, что лучшей администрацией университета является та, которую не замечают – не потому, что она повсюду, а потому, что она становится излишней. Когда в тексте Торо призыв к безотлагательности появляется в первый раз, он звучит в форме «немедленно» – слово, которое Торо неоднократно использует. Он требует «немедленного улучшения»³³ правительства; было бы ошибочным полагать, что нужно ждать, когда возникнет новое большинство, а не неповиноваться и преступать несправедливые законы одновременно. Это всё – лишь вопрос времени, чистого, как говорится, а не одомашненного, безвременного времени, не процессуального времени, не времени заговоров, переговоров, компромиссов, как если бы перемены были возможны только «немедленно», срочно, или если бы безотлагательность призыва выражала безотлагательность, жестокость, судорожность, вписанную в сами изменения, в возможность, которой необходимо воспользоваться каждый раз, когда должны произойти перемены:

«Что же касается методов, которыми государство обеспечивает устранение зла, то я таковых не знаю. Всё это отнимает слишком много времени, а человеческая жизнь коротка. У меня же много других дел»³⁴.

Можно ли обнаружить иронию в ремарке Торо: «Человеку дано сделать не всё, а лишь что-то; и именно потому, что он не может сделать всего, не надо, чтобы это что-то он делал неправильно»³⁵? Здесь аналогия с университетом, или, по крайней мере, с идеей безусловного университета, может проводиться следующим образом: право учёного говорить всё, и говорить это публично, не обязательно является правом говорить что-то неправильно, поскольку если он не может сказать всё, но тем не менее вынужден что-то сказать, ему просто не нужно говорить что-нибудь. Иными словами, безотлагательность что-либо говорить и делать не предполагает, что то, что будет сказано и сделано, окажется неверным; как раз наоборот: «что однажды сделано хорошо, то сделано навечно»³⁶, и то, что однажды хорошо сказано, тоже сказано навечно. Говорение может даже быть и действием, когда «предпочтение поговорить об этом» разрушает и первое, и второе. Время процесса, метода и лоббирования, колебаний, сожалений и прошений, противостояния во мнении – это своего рода эвфемизм, который маскирует необходимость, а также риск такой безотлагательности, т. е. безотлагательности, которая является проявлением мышления и действия. Только у неё есть шанс что-то подумать и сделать что-то новое, что-то умозрительное, возможно, потому,

³³ Торо, указ. соч.

³⁴ Ibid.

³⁵ Ibid.

³⁶ Ibid.

что мысли или «поступок, продиктованный принципом, осознание справедливости и её свершение», которые сами по себе могут изменить «вещи и отношения»³⁷, должны увеличить безотлагательность безотлагательности что-либо говорить и делать. Такие действия должны порвать с любыми данными условиями, прервать ход вещей и поколебать уверенность в установившихся отношениях.

Университет, который вынужден полностью вверять себя рынку, – это университет, основанный на признании, в основе своей враждебный критике и новому, если только критика и новое не могут быть преобразованы в товар и таким образом привлечь потенциальных клиентов, покровителей, спонсоров. В большей или меньшей степени, это обусловленный, а не безусловный университет, университет под контролем. Эвфемизм как эксплуатация признания в языке является лингвистическим условием такого института. Неповиновение как то, что происходит незамедлительно, – это единственный способ посвятить себя идее или безусловному университету. Если в связи с этим неповиновение является также единственным способом противостоять эвфемизму, учёные и администрация должны начать называть вещи своими именами. Эта практика сможет активировать сопротивление, которое присуще каждому признанию, и направить его против ограничивающих вымыслов эвфемизма, против дистанцирования, которое как скрывает, так и показывает себя, но не для того, чтобы сделать что-либо видимым, а чтобы сделать что-либо признанным. В той степени, в которой вещи, с одной стороны, могут иметь более одного имени, а «игра различных словоупотреблений» всегда может зайти далее, чем ожидается, выйти за пределы того, что считается «точным значением», и поскольку, с другой стороны, вымысел имеет эффект дистанцирования, эта практика будет способствовать созданию наиболее возмутительного вымысла – вымысла, который больше не будет отличаться от реальности, а станет точкой безразличия, в которой нельзя будет сразу различить «как будто» и «как таковой», поскольку они совпадут; вымысла, который отдалит учёного и студента от эвфемизма только для того, чтобы подвергнуть их ужасной истине, о которой говорит эвфемизм, не говоря о ней, чтобы произошло это на том пределе, на котором правда и вымысел больше не противопоставляются друг другу. *Убийство мышления*, название книги Мэри Эванс, является одним из примеров такого называния вещей своими именами, поскольку его можно рассматривать и как создание возмутительного вымысла – как можно убить объект, не являющийся физическим? – и как разоблачение ужасной истины – мышление на самом деле убито. В конце концов, не так сложно артикулировать, каким должен быть университет, который заслуживает своё название: он должен делать всё возможное для того, чтобы активно поддерживать неповинующегося учёного, совмещающего преподавание и исследования (что является добродетелью

³⁷ Торо, указ. соч.

или силой, или ценностью, не подлежащей методологической верификации), не заставляя его состоять в комиссиях, ходить на бесконечные заседания и участвовать в институциональных политических играх, тратить своё время на административную документацию и двойное и тройное оценивание работ, достигать «цели» и «задачи», обучать «необходимым навыкам», искать внешнее финансирование, публиковать фиксированное количество книг и статей или оказывать «влияние» за пределами университета.

Перевод с английского
Ольги Блекледж